

МАРИ КЮРЕ

Грешная любовь

Мари Кюре
Грешная любовь

«Издательские решения»

Кюре М.

Грешная любовь / М. Кюре — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968752-4

История любви архидьякона парижского собора и простой прихожанки.
Сколько испытаний и страданий необходимо перенести героям, и будут ли они
вместе?

ISBN 978-5-44-968752-4

© Кюре М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1 «Тяжелый день архидьякона»	8
Глава 2 «Помогите»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Грешная любовь

Мари Кюре

© Мари Кюре, 2019

ISBN 978-5-4496-8752-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Уважаемый читатель, хочу на мгновение, перенести Вас в средневековый Париж, со всеми свойственными ему атрибутами. Какими являются, притягательные архитектурные произведения искусства, публичные казни, на которых собирается весь город. И прочее присущее этому времени: балы шутов и коронование самых уродливых рож. Провести Вас по странному Аббатству Сен-Жермен-де-Пре. И окунуть в тайны Парижа. Немного рассекретить тайную жизнь священнослужителей и попытаться хоть немного донести до Вас, что все, будь он король, монах или обычный человек, люди, имеющие свои чувства, мысли, переживания.

А теперь я хочу представить Вашему вниманию Париж, того времени, где живут наши герои.

Сначала предлагаем совершить прогулку по столице Французского королевства 30-х годов XVII века. Уже у крепостных стен Парижа чувствуются тошнотворные запахи, исходящие из канав, переполненных отбросами – беда любого большого города того времени; так пахли и другие европейские столицы. Минуя эту беспрестанно увеличивающуюся трясину, так не вяжущуюся с гербом главного города королевства, на котором изображён серебряный корабль, легко плывущий по лазурной волне («Качает его, но он не тонет» – гласит латинский девиз на гербе), оказываешься возле городских ворот, где в беспорядке толпятся повозки торговцев, почтовые кареты и дилижансы. В соответствии с королевскими эдиктами привратники должны проверять документы, чиновники – получить городскую ввозную пошлину, и лишь после этого путь в Париж открывается.

В лабиринтах улочек в центре старого города, почерневшие и увитые плющом массивные здания с высокими башнями, угловатыми бойницами и стрельчатыми арками соседствуют с покосившимися домишками. В застройке города того времени преобладают старые фахверковые дома, заселённые от подвала до чердака. Здания стоят столь плотно друг к другу, что можно перепрыгнуть с крыши на крышу.

Святой Мадонной, мне клялась старая торговка, уверяя, что она видела, как, сам дьявол, бродил по этим крышам.

Узкие улочки шириной в полтора – три метра из-за крутых высоких крыш и почти смыкающихся зданий очень темны, и их жителям нередко приходится зажигать свечу среди бела дня.

Самая красивая улица столицы – улица Сент-Антуан, пересекающая аристократический квартал Марэ с запада на восток, от Ратуши к Бастилии, – она и самой широкой. Уже с раннего утра город наполняется шумом, на который наслаивается адский грохот тянущихся из портов Сены повозок с дровами, углём, сеном и винными бочками. Мелькает рабочий люд в больших, надвинутых на уши шляпах, носильщики тягают на скрещенных жердях громадные кули, мешки и бочонки. То там, то здесь скачут всадники, привлекая внимание служанок и торговок, или прогрохочет, опрокидывая лотки и срывая вывески, многоместный дилижанс.

Своего апогея торговый шум достигает на Сен-Жерменской ярмарке, где собирается цвет парижской ремесленной аристократии – галантерейщики, скорняки, суконщики, золотых дел мастера, бакалейщики... Степенные негоцианты в пышных кафтанах и

просторных штанах из тёмного сукна, в шерстяных чулках с подвязками, раскладывают на прилавках кольца, серьги, пелерины, манто, гобелены, зеркала. Крупные коммерсанты съезжаются сюда со всех городов Франции и из-за границы; португалыцы продают амбру и тонкий фарфор; турки предлагают персидский бальзам и константинопольские духи, провансальцы торгуют апельсинами и лимонами. Чего здесь только нет: марсельские халаты и руанские сукна, голландские рубашки и генуэзские кружева; фландрские картины и алансонские бриллианты, миланские сыры и испанские вина, богато отделанные виры; на каждом шагу наталкиваешься на продавцов сладостей. Особой популярностью у парижан пользуются вафли. В питейных

домах, богато украшенных зеркалами и люстрами, выпивают сотни бочек глинтвейна и мускатного вина. Заглядывают сюда и любители понюхать или покурить табак, который уже начал входить в моду. В изобилии на ярмарке и игорные дома.

Как и на ярмарке на Новом мосту ведётся такая бойкая торговля, что рябит в глазах и звенит в ушах. Вращается тут как «колесо фортуны», вокруг которого толпятся дезертиры, бежавшие из армий; ремесленники, потерявшие работу; крестьяне, покинувшие свои деревни из-за голода; маргиналы, ротозеи, сводницы и публичные девки. Это излюбленное место цирюльников и зубодёров, уличных хулиганов и аптекарей-шарлатанов, продающих всевозможные мази, пластыри, чудесные лекарства, спасающие, в том числе и от губительного влияния космических явлений – комет и солнечных затмений.

Чем дальше улицы уходят от центра города, тем чище, шире, тише и элегантнее они становятся. На них можно встретить внушительные особняки с дворами и садами.

А теперь перенесемся в собор, где служил, наш главный герой, Фролл де Фер.

В оживленном районе Парижа, на площади Сен-Жермен, на левом берегу Сены в шестом округе города, находится церковь Сен-Жермен-де-Пре. Церковь, была частью не сохранившегося Аббатства Святого Германа, которое на протяжении нескольких веков было одним из самых влиятельных христианских центров Франции, в эпоху раннего средневековья. Благодаря исключительным королевским привилегиям Аббатство Святого Германа превратилось в один из богатейших монастырей Франции и важнейший христианский центр. После того, как мощи Святого Викентия были перевезены в Париж, королю поступило предложение от Сена-Жермена о возведении церкви, которой будут храниться мощи святого. Король Хильдеберт недолго думая, дал свое согласие, и в результате не далеко от города было построено целое Аббатство.

За все время своего существования церковь пережила не одну реконструкцию, так, например в IX веке она была разграблена и уничтожена Викингами. Об этом рассказывать можно очень долго, так как это уже отдельная история, мы перенесемся чуть дальше. После нашествия церковь была представлена для реконструкции, проходила медленно и двигалась к своему завершению очень долго.

Все это произведение искусства, было совмещенно различными эпохами и стилями: барокко, и столь сложное сочетание романской арки с готическими сводами.

Глава 1 «Тяжелый день архидьякона»

В это раннее, солнечное утро, архидьякон Фролл де Фер проснулся раньше обычного. Что-то потревожило сон несчастного, но он не мог понять, что именно. В последние несколько недель с ним явно творилось что-то не так, но, сколько Фролл не пытался понять и разобраться в себе, он не мог. Что-то тревожило его душу. Он много раз обращался к Богу, чтобы тот указал ему, что с ним творится. Он даже думал, что в него вселился сам дьявол! Но он старался отогнать от себя эти греховные мысли. В это утро, проснувшись, все с той же необъяснимой тревогой на душе, он одел свою сутану и упал на колени, с мольбой взывая к Богу. Сложив руки и низко опустив голову, Фролл стал молиться:

– О, Всевышний, помоги мне, укажи путь, подскажи, что со мной. Я не могу спать, я просыпаюсь задолго до рассвета, и весь день словно в бреду. Я стою перед тобой коленапреклоненный и молю о твоей помощи. Умоляю, помоги своему слуге. – Фролл, словно без чувств, упал на пол.

Всегда после подобных молитв архидьякон чувствовал себя опустошенным. Вставая с колен, выражение лица и глаз священника менялось. Его природные светло-голубые глаза, становились сине-черными, лицо приобретало холодность, тело все напрягалось на столько, что даже под сутаной можно было различить рельеф мышц. Он не был похож на священника, и уж тем более на архидьякона. Для архидьякона он был еще слишком молод, на момент назначения его на эту должность ему едва минуло двадцать три года. Его лицо было аристократично красивым, с лёгкой грустью в глазах. Его черные, как смоль волосы, были аккуратно зачесаны назад. Именно таким его все видели: высокомерным, устрашающим и немного грубым. Несмотря на его красоту, а он действительно был очень красив, он всем внушал лишь страх. Но в минуты таких утренних молитв, он менялся до неузнаваемости, волосы ниспадали на глаза, в которых не было, ни холодности, ни гнева. В эти минуты в глазах священника были грусть, мольбы, отчаяние и страх. Но в очередной раз не получая ответа и помощи от Всевышнего, он все больше злился и ненавидел себя все вокруг. Как и всегда оставаясь без ответа Фролл зачесывал свои волосы и придавая всем привычную холодность во взгляде и лице, он спускался вниз, чтобы отпустить грехи, тем кто пришел к нему на исповедь.

Фролл шел, бесстрастно оглядывая собор, для него это уже не было, чем-то интересующим и уж тем более, мистическим, как для прихожан. Здесь он больше не находил успокоения и безмятежности, своей души.

Но, к его, скорому, сожалению этот день кардинально отличался от предыдущих. По дороге его остановил молодой священник:

– Святой отец, Вас ждут в исповедальной.

– Так рано? И как долго меня ждет этот несчастный. – голос Фролла приобрел прежнее высокомерие.

– Четверть часа.

Ни говоря более, ни слова, архидьякон резко развернулся и направился к исповедальной. Подходя к этой комнате, его охватил неведанный до селе страх и тревога. И чем ближе он подходил, тем сильнее страх проникал в его душу. Но вот он вошел в исповедальню и увидел девушку с низко опущенной головой.

– Я грешна, Святой отец. – начала девушка, не поднимая головы, волосы на столько закрыли ее лицо, что ни она не могла видеть лицо того, то пришел отпустить ее самый страшный грех, ни Фролл, как не пытался он увидеть лицо девушки.

– Говори, дочь моя. – властно, в присущей ему манере, но все же с какой-то осторожностью в голосе, ответил он. Именно в этот момент он изрядно пытался увидеть лицо грешницы, которая пришла к нему на покаяние.

– Я полюбила, но любовь моя не взаимна.— осторожно продолжила девушка. Она хотела поднять глаза, но что-то остановило ее, внутренний голос подсказывал, что не стоит ей этого делать.

– Но в этом нет греха, дочь моя. – ответил Фролл, все еще пытаясь унять нервную дрожь, которая не прошла после его утренней молитвы. Он отчаянно пытался внять словам девушки, но мысленно все еще находился у себя в келии и отчаянно умолял Бога о помощи. На мгновение он отвлекся от своих мыслей, и еще раз взглянул на девушку в надежде, что его наваждение исчезнет. Однако этого не произошло, а скорее, наоборот, к дрожи в руках добавилось учащенное сердцебиение.

– О, нет, Святой отец, это грех. Ведь человек, которого я полюбила, священнослужитель. И я прекрасно понимаю, что не имею права на эту любовь, но ничего не могу с собой поделать. И ему я ничего не могу сказать, так как я понимаю, что не имею на него прав, он навсегда принадлежит Богу. Но тем, ни менее я не могу перестать о нем думать. Простите меня, Святой отец, о господи прости меня и помоги мне, – девушка подняла голову и наконец увидела того, кому она решила все рассказать. Ее заплаканные глаза расширились, отражая ужас и страх.

– О, Боже, как она прекрасна. – подумал архидьякон, когда он увидел ее лицо.

– Я прощаю тебя, дочь моя. Храни тебя Господь. Но позволь мне задать тебе вопрос, что так напугало тебя во мне?

Девушка ничего не ответила, лишь закрыла лицо руками, и ее тело содрогнулось от рыданий. Едва Фролл приблизился к ней и протянул руку, на удивление для себя самого, чтобы успокоить девушку, она резко подняла голову и блеснула гневным взглядом на него:

– Не троньте меня! – закричала девушка и буквально вылетела из собора.

После ее ухода Фролл еще долго не мог прийти в себя, в нем открылось не веданное ранее чувство для него. Теперь все его мысли были об этой прекрасной девушке. Он каждый день ждал ее прихода, на очередное покаяние, но, к сожалению, она больше не появлялась, и сколько он не бродил по городу в надежде, хотя бы мельком ее увидеть, не мог этого сделать. Теперь этого его пугало, с того дня как она выбежала из собора он перестал думать о Боге и о молитвах. Для него больше ничего, к его великому сожалению, не существовало. Фролл каждый раз, возвращаясь в свою келию, и ложась спать, не мог сомкнуть глаз. Каждую ночь он видел во снах ее образ. Как она была красива. Ее зеленые, почти изумрудные глаза, темные волосы, обрамлявшие ее смуглое, а скорее загорелое лицо, ее пухлые алые губы, которые завершали весь этот образ ангела.

Проснувшись после ночного сна, если его сегодня можно было так назвать, ведь всю сегодняшнюю ночь Фролл метался по своему ложу. Ему вновь снилась она, только сегодня она предстала в его сне, как в их последней встрече, с заплаканным лицом и гневом в глазах. В душе Фролла поселилось, не веданное ему ранее чувство, ревность. Да, он помнил, о чем она говорила ему на покаянии о своей любви к молодому священнику, но кто он? Да, он смертельно ревновал, к неизвестному ему человеку. Но теперь он все решил для себя. Он встал, одел сутану и прошептал страшным и гневным голосом:

– Она будет моей!

Окунемся немного в этот чудный собор, простит меня читатель, я просто обязан Вам рассказать об этом соборе.

Четыре нижних яруса колокольни, нефт и трансепт храма относятся к романскому стилю. Над входом в храм возвышается квадратная колокольня, в основании которой сохранился пострадавший церковный портал. С южной стороны у церкви крытый вестибюль монастырской трапезной-здание, где монахи кормили нищих и поломников. Внутри готическая статуя Богоматери «Утешение» и старинная купель. На своде нефа есть фрески «Вход Господень в Иерусалим» и «Несение Креста», они расположены в ближних к хору пролетах. После всех реконструкций отлично сохранилась капелла Св. Жермена-первый от капеллы Девы Марии предел

северной стены. По ней можно судить о том, как выглядела базилика Сен-Жермен-де-Пре в XII столетии.

Глава 2 «Помогите»

Прошел месяц, с тех пор как Адриана, а именно так зовут нашу незнакомку, в последний раз была на исповеди. К ее великому сожалению, как она не старалась себя заставить вернуться, она не могла. Она день ото дня вспоминала глаза и лицо архидьякона. Ну почему она сразу не подняла головы. Ведь если бы девушка изначально знала, того кто пришел отпустить ее самый страшный и постыдный грех, она бы никогда не рассказала ему об этом. Уверен, наш читатель уже догадался, кто именно был ее предметом воздыхания, и из-за кого Адриана не спала по ночам. Да это был наш благородный слуга, наш архидьякон Фролл. Вот такой злой рок связал судьбы наших героев. Они были, как им казалась, безответно влюблены друг в друга. Но оба понимали, что не могут признаться в своих чувствах своим возлюбленным, один, потому что это означало бы вероотступление, ведь он священник, который давал перед лицом Господа обет безбрачия и безоговорочной службы ему. А Адриана, понимая, что ее возлюбленный навсегда связан крепкими узами с Господом, не смела даже заикнуться о своей любви, кому бы то ни было. Но все же оставаясь наедине с собой, ее мысли были полностью посвящены этому надменному и высокомерному священнослужителю.

На мгновение хочу отвлечь Ваше внимание от размышлений Адрианы и страсти Фролла, и познакомить Вас хоть немного с судьбой Адрианы.

К великому сожалению, судьба девушки сложилась крайне печально. Ей рано пришлось повзрослеть. Ее родители умерли от голодной смерти, во времена изгнания Генриха III из Парижа, стараясь спасти свое дитя. Адриану после гибели родителей прятала в Соборе Парижской Богоматери старая монашка. Позднее, когда на престол взошел Генрих IV, она смогла вернуться в свой дом. И сейчас, спустя годы, Адриана думала, за что ей Всевышний уготовил такую судьбу. Неужели, сам Дьявол, взял главенство над ней и все ее жизнь его игра? Но как Господь, мог допустить, что она безнадежно влюбилась в архидьякона.

Решив выйти из своего заточения, на которое она добровольно себя обрекла, дабы не встречаться с архидьяконом, девушка направилась прогуляться по улицам Парижа. Но, не успев сделать и десяток шагов, она почувствовала, что ее стройный стан, обхватили чьи-то грубые руки. Она попыталась закричать, но ее рот был зажат рукой. Она пыталась вырваться, но это еще более раззадорило хулигана. Он рывком развернул девушку к своему лицу.

– Ух, какая ты! Красивая, сегодня мне повезло.– хамовато произнес неизвестный мужчина. Он начал грубо сжимать грудь девушки, по всей видимости, собираясь обесчестить ее прямо в той подворотне, в которой он схватил ее.

– Отпустите меня, умоляю Вас.– взмолилась девушка.

– Даже не подумаю, такие красотки мне не часто попадаются, – мужчина продолжал грубо ласкать тело девушки. – Будь умницей, и все будет быстро и совсем не больно, может быть тебе даже понравится. – мужчина вожаделенно облизнул свои губы и с нескрываемой похотью смотрел девушку.

Она уперлась руками в его плечи, пытаясь оттолкнуть его от себя. Но у нее этого не получилось, и тогда он повалил ее наземь, задирая ее платье. Адриана принялась обшаривать руками вокруг себя, в надежде найти хоть что-то, что могло ей помочь в эту минуту. Нашупав бутылку, она незамедлительно схватила ее и ударила по голове этого мужчину. Оттолкнув его от себя, девушка закрыла рот рукой, заглушая свой вскрик. Мужчина лежал на земле, не подавая признаков жизни, под его головой расширилось пятно крови. Не помня себя Адриана, бросилась бежать, не разбирая дороги. К ее великому удивлению, ее ноги сами привели к собору, которого она так старательно избегала все это время. Собрав все оставшиеся силы, девушка решила пойти в собор и попросить защиты. Поднимаясь по ступеням, она все еще пыталась отогнать от себя мысль, о том, чтобы развернуться и убежать. Но все-таки страх

за жизнь оказался сильнее страха перед архидьяконом. Остановившись Адриана, села на ступени и погрузилась в воспоминания о ее первой встрече с Фролло. Это случилось минувшей зимой, на казни какого-то цыгана. Его обвиняли в убийстве и приговорили к казни через повешение. Публичное наказание человека, нарушившего плавное течение городской жизни, являлось своеобразным ритуалом очищения от скверны и восстановления изначальной чистоты в отношениях между людьми. Именно ритуальный характер церемонии позволял судебным чиновникам надеяться, что она будет правильно воспринята окружающими, что ее жестокость не стимулирует насилие, присутствующее в обществе в латентном состоянии, а, напротив, усмирит его. Отношения между осужденным и палачом заслуживают особого внимания. Именно ответственность палача за правильное исполнение приговора являлось основой и сущностью последнего этапа публичного наказания в средние века. Она имела непосредственное отношение к ритуалу казни и его второй функции – направлению агрессии в безопасное русло. Палач встречал осужденного перед виселицей или эшафотом и сам переодевал его в белую рубашку смертника. Расставание с одеждой символизировало окончательное прощание с жизнью и, прежде всего, с тем местом в общественной иерархии, которое ранее занимал преступник. Такое переодевание было неотъемлемой частью ритуала и имело место всегда, даже если палач очень торопился. Вновь громко сообщался состав преступления, за которое человек должен был проститься с жизнью. В редких случаях приговоренному могла быть дарована особая милость: о его преступлении объявляли после казни.

Казалось бы, момент смерти неотвратимо приближался. Однако преступнику, строго в соответствии с установленным ритуалом, в последний раз предоставлялась возможность оспорить решение суда. Порой осужденный на смерть имел право затеять борьбу со своим палачом. Хотя чаще всего такой «поединок» бывал совершенно фиктивным, в случае победы преступник мог рассчитывать на изменение своей участи. Следующим необходимым по ритуалу этапом процедуры было прощение, даруемое жертвой своему палачу. «Когда он увидел, что должен умереть, он преклонил колени перед палачом,

поцеловал маленький серебряный образок на его груди и весьма кротко простил ему свою смерть», – описывал казнь Жана де Монтегю парижский буржуа. Этот жест крайне символичен и важен для понимания всего ритуала экзекуции. Прощение осужденного должно было, как бы примирить палача с собравшейся публикой. Гарантом же законности смертной казни выступала толпа зрителей, присутствовавших при экзекуции. В противном случае палач, приводящий в исполнение смертный приговор, мог бы рассматриваться как убийца, а это, в свою очередь, открывало возможность для мести со стороны родственников или друзей «убитого». Прощение преступника предотвращало это, и, в какой-то мере, возможно, подчеркивало положение палача как официального лица, а казни – как официального акта. К тому же, прощение убийцы убиваемым предусматривается христианскими заповедями. Жестокость наказания не отталкивала зрителей, напротив, она притягивала, вызывая чувство торжествующей справедливости.

Городские судебные власти решали, таким образом, двойную задачу. Во-первых, они пытались предотвратить рост преступности на вверенной им территории; во-вторых, укрепляли собственный авторитет. Прибегая к ритуалу, следуя в точности его правилам, и призывая в свидетели своей справедливости все тех же горожан, власти убеждали их в законности насилия, применяемого по отношению к преступникам. По обычаю, поднялся священник, для отпущения грехов и упокоения души несчастного. Когда

приговоренный покался, священник развернулся лицом к толпе, снял капюшон своего плаща и произнес:

– Пусть Бог упокоит твою душу, ты прощен, покойся с миром.

Адриана смотрела на священника не смея отвести взгляд, тогда в его глазах отражалась вся скорбь, на которую он мог. И действительно, Фролл на тот момент еще не потерял человек-

ность и способность к состраданию. Хотя он и сейчас все еще способен сопереживать, но за это время, столько раз он присутствовал на казни, его сострадание уменьшилось. Нет, ему все так же было жаль этих несчастных, но он понимал, что не может им ничем помочь, дабы избежать наказания. Поэтому для успокоения своей души он старался все менее, принимать их судьбу близко к сердцу. Тогда он был еще очень молод, и в чертах его лица еще не было той холодности, с которой он позже смотрел на всех. Но в тот момент девушка настолько была заворожена им, что не могла отвести взгляд, ей казалось, что какая-то неведанная сила притягивает ее. После процесса казни она вошла в собор и, подойдя к священнику, который только что упокоил душу казнённого, попросила его исповедать ее. Его голос, заполнял ее слух, покрывая нежным облаком спокойствия. Закончив свою исповедь, девушка опустила голову, что было знаком окончания исповеди и глубокого покаяния в своих грехах.

– Храни тебя Господь, дочь моя, ты прощена.– сказал священник, прикоснувшись к ее голове. И поспешил удалиться.

От этих мыслей Адриану отвлек уже знакомый голос:

– Вот ты где шлюха.– да это был тот самый мужчина, от которого ей удалось убежать.

Этот крик вывел девушку из состояния стопора, она резко встала и побежала к собору. Подбежав, она стала истошно колотить в двери:

– Убежище! Умоляю, дайте мне убежище!

Дверь, наконец, отворилась, на пороге стоял молодой священник, он выглядел, немного уставшими явно отстраненным, так как он не мог понять, что хотела от него эта девушка. На шум, который донесся даже до келии Фролла, архидьякон спустился. Подойдя к молодому священнику, он спросил его:

– Кто там? Чего они хотят?

– Святой отец, там девушка и она просит убежища.

– Такпусти ее! – прогремел тоном, не терпящим возражения Фролл.

– Но сделай так чтобы я ее не видел.– и развернувшись, резко удалился.

Священник впустил девушку, за мгновение до того, как мужчина попытался схватить ее за руку. Адриана упала на колени и поблагодарила священника. Он помог девушке подняться и препроводил ее в келию.

– Сидите здесь и никуда не выходите из нее, если Вам, действительно нужно убежище. Если Вас увидит архидьякон, ни Вам, ни мне, не сдобровать. «Он очень страшен в гневе», – сказав это, священник принес девушке одежду и еду.

Наспех переодевшись Адриана, упала на колени, перед святым распятием, которое висело на стене:

– Спасибо Господи. Спасибо что помог мне. – остаток дня она провела в благодарности Богу, и мысли о Фролле. – О, Боже, какое мучение быть одновременно рядом с ним и находится так далеко.

Но Адриана знала, что нарушать наставление священника лучше не стоит, так как он был прав, в гневе архидьякон был страшен.

Фролл вернувшись в свою келию, сел за свой стол. Он принялся размышлять, что заставило некую девушку попросить приюта, какая беда постигла ее? Спустившись вниз, и найдя того священника, которому он приказал увести девушку, спросил его:

– Ты препроводил девушку?

– Да, Святой отец.

– Что у нее случилось?

– Я не знаю, Святой отец, она только сказала, что за ней гонится мужчина. Хотя за такой красоткой как она, я бы тоже гонялся. Она невероятно красива, а ее алые губки так требуют поцелуя.

– Да как ты смеешь?! – Фролл дал сильную пощечину священнику, и в его душе закралось сомнение, что, если это она.

– Куда ты ее поместил?

– В западное крыло, близ колокольни, Святой отец, простите меня.– сказал священник, держась за пылающую щеку.

– Иди, замаливай свои грехи и не преставай молиться три дня и может быть, Мадонна простит тебя.– Фролл знаком велел удалиться священнику. Он резко развернулся и помчался к колокольне. Подойдя к единственной келии, которая находилась в том крыле, он

остановился, переводя дыхание, и стараясь придать своему лицу привычную ему холодность, но никак не мог унять бешеный стук своего сердца. А что, если он ошибся и это не она? А что, если нет? Более он не мог задаваться вопросом и решил узнать наверняка, скрыв свое лицо под капюшоном плаща, он отворил дверь и вошел в келию. Когда дверь открылась, он увидел ее, она стояла на коленях перед распятием, ее губы беззвучно о чем-то шептали. Он не решился окликнуть ее, и лишь продолжил стоять, ожидая, что она все-таки почувствует его присутствие и обернется. Адриана ощутила на себе чей-то взгляд и обернулась.

– Спасибо, я не голодна.– спокойно сказала девушка, утирая слезы, струившиеся по ее щекам. Она подумала, что кто-то из священнослужителей решил узнать, не хочет ли она есть.

– Спасибо Вам, за то, что Вы предоставили мне убежище и спасли от этого человека.– она припала к рукам священника.

– Молю Вас, выслушайте меня, мне нужно Ваше прощение. Я совершила ужасный грех, я солгала. Я обманула...

– Скажи, в чем ты меня обманула? – не дав ей закончить, сказал Фролл, снимая капюшон.

Увидев его, девушка отбежала в угол комнаты и вжалась в стену. В этот момент она отчаянно пожалела, что пришла, но тогда ею двигал страх смерти, но к ее сожалению, страх перед архидьяконом оказался сильнее. И она решительно решила убежать из своего приюта, лишь бы совладать с собой.

– Это уже не важно, мне надо уйти.– и девушка устремила к выходу.

Фролл успел схватить ее за руку, прежде чем она открыла дверь.

– Нет, ты же пришла исповедаться. Ты все расскажешь мне, – кричал разъярённо он. – Даже если придется держать тебя здесь всю твою жизнь. Теперь ты принадлежишь только мне. Я так долго этого ждал, что не позволю тебе уйти от меня.

– Отпустите меня, Вы причиняете мне боль. Я пришла к Вам за помощью, но оказалось, что спастись надо от Вас. Вы чудовище!

Теряя последнее самообладание Фролл потащил ее в свою келию, резко открыв дверь он втолкнул ее во внутрь. Не сумев удержать равновесия, девушка упала на пол, пользуясь этим мгновением, архидьякон запер дверь. Схватив ее за руку, он потащил ее к своему ложу, не помня себя от пожара, который разгорался в его душе. Он бросил ее на свое ложе, готовясь вотворить с ней в жизнь, то о чем лишь мечтал, и что не давало ему ночами уснуть.

Его страстные поцелуи, больше походившее на укусы, оставляли на нежном теле девушки кровавые следы, причинявшие ей невероятную боль и бесконечные страдания. Она предприняла последнюю попытку оттолкнуть его, но он со всей своей ловкостью поймал ее руки и зажал их у нее над головой. Свободной рукой он с силой рванул на себе сутану и отбросил ее, как не нужную тряпку. Она осмелилась взглянуть в его глаза, но в них не было уже ничего человеческого, в них горел лишь огонь желания. В этот момент она поняла, что ничего сделать, чтобы остановить архидьякона, она не сможет. Он рванул на ней платье, обнажив ее плечо, и припал к нему страстным поцелуем.

Удовлетворив свою похоть, Фролл словно очнулся ото сна и с ужасом взглянул на беззащитную Адриану. Он резко развернулся к выходу, не смея даже взглянуть на нее.

– Подумай, о чем ты хочешь мне сказать! – сказал Фролл, тем присущем ему ледяным голосом. И вышел из келии, закрыв за собой дверь. Осознавая, что он натворил, священник выбежал из собора. Он бежал, не разбирая дороги, и как только он достиг берега реки, упал на колени и прокричал:

– Боже что я наделал? – он понял, что не смог сдержать свою страсть, и она, сжигая все, на своем пути поглотила его с головой.

Поднявшись Адриана, нервно обхватила себя за плечи, все ее тело болело и душа, казалась, готова была вырваться из ее тела. Она закрыла лицо руками и разразилась рыданиями. Зачем он так? В этот момент Адриана, поняла, что он чудовище, но все, же в ее душе еще теплилась надежда на его человечность. Она поругана и опозорена, осознав это, Адриана метнулась к окну, в этот момент Фролл вернулся в собор. Он бежал так быстро по лестнице, как только мог. Какая-то невиданная сила вела его, предсказывая, что если он не успеет, то случится беда. Он рывком рванул дверь, и в этот момент перед ним предстала страшная картина. Адриана словно сама не своя, пыталась рывками открыть окно, это стоило девушке невероятных усилий, но все, же оно поддалось, девушка подалась вперед, собираясь сделать шаг в пустоту. Фролл рванулся к ней и успев ухватить девушку за руку, с силой втащил ее обратно. Она развернулась к нему и принялась колотить его грудь, осыпая его проклятиями, от переизбытка ярости и страха, перед ним, девушка лишилась чувств. Фролл успел ее поймать и уложил на свое ложе. «Как она прекрасна! Вот она его любовь, она здесь, она его и только его.» Но тут осознание пришло и к нему, что она только что собиралась сделать. Какое он чудовище, он чуть было не убил ее. Он виноват в этом. «Ей нельзя здесь оставаться. Ее надо увести отсюда.» Фролл решил под покровом ночи увести Адриану в свое поместье.

Он нес ее на руках до своего дома. Войдя в дом, он бережно уложил ее на кровать, принес воды и начал омыwać тело любимой. Когда он увидел следы своих действий, совершенных над нею в келии, он взвыл как раненый зверь. Он из последних сил заставил себя омыть ее, и когда он закончил, то выбежал из дома, дав волю чувствам.

– Что я наделал? Как я мог? Я животное! Я дьявол!

В этот момент с неба полил проливной дождь, но Фролл, словно этого не замечал, он упал посреди поля на колени, поднимая руки к проливному дождю и начал молиться. Хотя больше он просил у Господа прощения.

Придя в себя Адриана, открыла глаза, не понимая, где она находится. В ее голове начали всплывать минувшие события, начиная от просьбы о приюте, до попытки выброситься с окна. Она вспомнила как колотила Фролла, в его могучую и сильную грудь, понимая, что для него эти удары ничтожны. Как она осыпала его проклятиями. Подойдя к окну Адриана, увидела, что под проливным дождем стоит он. Она не знала, как поступить. Позвать его в дом или оставить его на улице. Но она боялась, что если позовет его, то он вновь совершит тоже, что сделал в келии. Но все же она открыла дверь и выплянула на улицу. Фролл не видел ее, так как он закрыл лицо руками и его тело

содрогнулось рыданиями. В этот момент Адриана увидела в нем ту человечность, которая привлекла ее в нем. Ей стало искренне жаль его, но она все, же не рискнула окликнуть его.

Закончив свои душевные терзания, Фролл обернулся к дому и, с удивлением, увидел, что дверь открыта. Он долго не решался войти, понимая, что она не хочет его видеть, но холод взял свое и он вошел. Войдя в дом, Фролл увидел Адриану, которая подобрала ноги под себя, от того стала похожа на маленького беззащитного ребенка. Он бросился перед нею на колени. От этого действия девушка вздрогнула и попятилась еще дальше к стене. Не вольно опустив свой взгляд на ее руки, он увидел, что все запястья девушки в багровых следах от его пальцев. Фролл в своей мокрой сутане, с которой струями текла дождевая вода, упал перед ней на колени, обхватив ее ноги, принялся покрывать поцелуями руки Адрианы.

– Оставьте меня.– взмолилась Адриана.

– Прости меня.– прошептал архидьякон.

– Я сам не понимаю, что со мной происходит. С тобой я сам не свой, ты губишь меня. Я умоляю тебя, прости меня, я все сделаю для тебя. Ты можешь причинить мне любую боль, но позволь мне быть с тобою рядом. Ты можешь проклинать меня, хотя я и так уже проклят. Я проклят в тот день, когда впервые увидел тебя, с того дня мой рассудок помутился, и я постоянно думаю о тебе, не забывая ни на мгновение. Ответь же мне что-нибудь, умоляю, скажи, что угодно только не молчи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.